

Чудесная нива

Детям о Христе

**Сборник
Николай С. Посадский
Чудесная нива. Детям о Христе**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16053392
Чудесная нива. Детям о Христе: сборник / Сост. Н. С. Посадский.: Сибирская Благовонница;
Москва; 2016
ISBN 978-5-906793-33-1*

Аннотация

В сборник вошли стихи, рассказы и предания, основой для которых послужили евангельские истории. При подготовке издания были использованы отрывки из «Хрестоматии для детей», выпущенной в 1909 году, а также произведения русских писателей о Святом Семействе, о праздновании Рождества и Святой Пасхи на Руси.

Содержание

Предисловие	6
Предание о благовещении	7
Богоматерь	11
Рассказы о празднике Благовещения в России	14
Накануне праздника	15
Утро праздника	16
После церкви	17
Птички на воле	18
Чай с пирогами	19
Рождество Христово	21
Святая ночь	24
Рождественское	28
Видение императора	30
В день Рождества	35
Предание о первой рождественской ёлке	36
Божий дар	39
Невидимый гость	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Чудесная нива. Детям о Христе: сборник
Составитель Н. С. Посадский

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р15-508-0423

Предисловие

Для того чтобы узнать, каким же был в детстве Спаситель мира Иисус Христос, нужно прежде всего внимательно прочитать Евангелие. О рождении Иисуса Христа упоминается во второй главе Евангелия от Матфея. Волхвы узнали о рождении Иисуса по явлению чудесной звезды. Евангелист Лука указывал, что рождение Иисуса произошло во время переписи населения, объявленной императором Августом. О месте рождения – городе Вифлееме – говорят оба евангелиста: Лука и Матфей. В Евангелиях рассказано и о том, что после рождения Иосиф и Мария принесли Сына в храм. Следующее упоминание – о двенадцатилетнем Иисусе: во время празднования пасхи родители взяли Его с собой в Иерусалим. Святой Лука описывает эпизод из детства Иисуса Христа, связанный с посещением Иерусалимского храма. *Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем* (Лк. 2, 40). *Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков* (Лк. 2, 52). А человек, имеющий на себе благодать Божию, отличается кротостью и добротой, любовью к ближним и скромностью. Согласно достоверному источнику, Святому тексту Евангелия, детство Иисуса Христа было обычным, как и у большинства детей. Иисус Христос был близок к людям, которых Он пришёл просветить и спасти.

Наш сборник назван в честь одного из рассказов – «Чудесная нива», в котором, в частности, говорится о Пресвятой Богородице, Матери Иисуса Христа, засевающей поле – ниву, чтобы поле скрыло Святое Семейство и защитило от погони. Богородицу в народе называли не только Заступницей Усердной за весь род человеческий, но и Благодатной Нивой. Именно в Её недрах возник Благословенный Плод – Богочеловек Иисус Христос, Агнец Божий, взявший на себя грехи всего мира.

Есть в этом сборнике и произведения народного творчества – предания, где быль обычно переплетается с вымыслом.

В одном из народных преданий говорится о том, как Богоматерь засеивает все нивы земные с небесной высоты. Гавриил Архангел водит, по словам этого предания, соху с запряжённым в неё белым конём, а Пресвятая Богородица разбрасывает из золотой кошницы зёрна добрые пригоршнями, а в то же самое время «устаи безмолвными, сердцем глаголящим» молит Господа Сил о ниспослании благословения на будущий урожай.

Мы надеемся, что произведения, помещённые в сборнике, заинтересуют читателей и помогут им в понимании библейских текстов.

От издателей

Предание о благовещении

Николай Марков

Было это давно-давно, почти две тысячи лет тому назад. В Галилее наступала весна, но ещё не распустились виноградники и плодовые сады на склонах гор, окружавших тихий городок Назарет. Чуть зеленели всходы на пшеничных и ячменных полях, и едва пробивалась на лугах нежная и яркая трава. Было раннее утро. Ещё солнце не взошло и туманы бродили по соседним холмам, когда в доме плотника Иосифа проснулась Дева Мария.

Она вставала всегда на заре, раньше всех домашних. В Иерусалимском храме, где прошло всё Её детство, привыкла Она просыпаться с рассветом. И все девочки, воспитывавшиеся вместе с Нею при храме, тоже просыпались до появления солнца и становились на молитву.

Дева Мария в доме Иосифа жила, как жила и ранее в храме. Она мало принимала участия в домашней суете, жила Своей особенной жизнью. Молилась, читала Священное Писание и работала в Своей маленькой горенке, убранной цветами и травами. Работница Она была искусная: умела и вышивать, и прясть, и ткать. В свободное от работы время Дева Мария любила пойти в небольшой сад при доме Иосифа. Там ухаживала Она за цветами, поливала посеянные Ею целебные травы, кормила и ласкала прилетавших птиц.

В Назарете Марию видели мало, Она редко выходила за садовую ограду. Но частенько прохожие останавливались под Её окном, чтобы послушать, как Она поёт, сидя за работой, псалмы Давида. Ни одна из девушек не умела петь так, как Мария.

В это весеннее утро, проснувшись, как всегда, на рассвете, Мария встала на молитву. Она любила молиться в тихие ранние часы, когда в доме все ещё спали. Часто молилась Она о том, чтобы скорее пришёл на землю обещанный Спаситель. Помолившись, Она, по обыкновению, раскрывала Книгу Священного Писания и читала. В этот день Она остановилась на словах пророка Исаии, возвещавших рождение Спасителя мира. Прочла Мария таинственные строки и глубоко

задумалась. Время, предсказанное пророком, наступало. Радостно было Святой Деве думать в это весеннее утро о том, что недолго ждать спасения бедным и измученным людям.

«Но где же, – думала Она, – та избранная Дева, Которой суждено стать Матерью Бога? Как Она будет счастлива! Такого великого счастья никто ещё не испытывал на земле!»

И вдруг сквозь опущенные веки почувствовала Дева Мария внезапный яркий свет.

«Что это? Не солнце ли взошло?» – подумала Она.

Но слишком сильно и необычно было сияние, наполнившее убогую маленькую горенку. Точно множество солнц взошло сразу и осветило не бедные выбеленные стены

горенки, а горные вершины, покрытые вновь выпавшим сверкающим снегом. Предчувствуя великую радость, но смущенно и робко подняла глаза Дева Мария и замерла, ослеплённая светлым видением.

Перед Нею с длинной веткой лилии в руках стоял Архангел Гавриил, и среди глубокой рассветной тишины послышался небывалый голос:

– Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!

Сердце Девы Марии так сильно забилося, что Она прижала обе руки к груди и неподвижно широко раскрытыми детскими глазами смотрела на Ангела и слушала, что он говорил Ей.

А он говорил, что это Её избрал Господь, что это Она будет Матерью Спасителя мира. И поняла Дева Мария, что Архангел говорит свою весть не Ей одной, а всему огромному Божиему миру, что слова, произнесённые в маленькой белой горенке в рассветный тихий час, гулом бесчисленных колоколов поплывут по земле и будут повторяться во веки веков. И так необъятна была тайна этих слов, так велика их радость, что Дева Мария не могла ни удивляться, ни возражать, а могла только с восторженной покорностью воле Божией принять благу весть.

– Я Раба Господня, да будет Мне по слову твоему. – Так ответила Мария Ангелу и преклонилась перед ним.

А когда встала – никого уже не было в горенке, и только небо розовело за окном. Всё было как прежде, но не по-прежнему смотрела на всё Дева Мария. По-новому прозрели Её глаза, новой любовью билось Её сердце и пело Ей:

«Радуйся! Радуйся! Радуйся!»

Тесно показалось Ей в маленькой горенке. Не могла Она приняться за обычную работу, не поделившись ни с кем благою вестью, не обрадовав никого Своей великой радостью. Но люди все ещё спали.

Тихо скрипнула дверь, выходящая в сад дома Иосифа. На пороге остановилась Мария, глядя на светлевшее небо, на вершины гор, алевшие от первых солнечных лучей, и на сады Назарета с ветвями, ещё голыми, но полными скрытого движения весенних соков. Стоит в дверях Мария, и вдруг – щебетанье, чириканье, свист крыльев.

Это птицы налетели на Неё со всех сторон. Они все знали Её и любили, потому что и Она любила их, кормила, помогала им, ласкала. В это утро птицы задумали начать вить гнезда, но, увидев любимую Деву, побросали работу и со всех крыльев помчались к ней. Окружили, чирикают, щебечут, трепыхают крыльями, на плечи, на руки садятся.

– Нет сегодня зёрен, – говорит им Дева Мария.

А птицы так и льнут к Ней, заглядывают в глаза чёрненькими и янтарными глазками, наклоняют головки, точно прислушиваются к Её словам. И шепнула им Дева Мария о том, что с Нею было. Какими словами шепнула – и Сама не ведала, но только поняли Её птицы,

сразу забыли крылатые и зёрна, и гнёзда свои. И такое щебетанье, чириканье и пение раздавалось, каких на земле ещё и не слыхивали.

Окружённая ликующими птицами, сошла Мария по ступенькам в сад. Склонилась над лилиями нераспустившимися. Точно свечи восковые, рядами стояли они у дверей. Цветам повторила Дева благую весть, и раскрыли лилии свои восковые чаши. И везде, где ступала в это утро Мария, просыпались и раскрывались ещё дремавшие с сомкнутыми лепестками цветы. Подошла Она к Своему любимому миндальному дереву, обхватила его руками, к стволу прижалась – и сразу всё дерево точно залило бело-розовым цветом. А из-за гор встало солнце такое яркое и лучистое, какого ещё не видали люди на земле. И везде по горам сразу, в миг единый, распустились все гранатовые, лимонные и оливковые деревья. Всё зацвело, задышало ароматами. Луга стали улыбаться розовыми маргаритками, красные маки и тюльпаны огоньками вспыхнули по холмам. Ещё раз взглянула на всю эту красоту Дева Мария и заторопилась в Свою горенку. Ей не хотелось, чтоб люди застали Её в саду. И когда в доме все встали, Дева Мария, как всегда в этот час, сидела у Себя и ткала заказанное Ей облачение для Иерусалимского храма. А в доме старец Иосиф и домашние его говорили о небывалой весне.

Богоматерь

Евгений Поселянин

Господь повелел Архангелу Гавриилу идти в Назарет Галилейский к Деве Марии, обручённой старцу Иосифу, и нести Ей благую весть... Вот Она углубилась в чтение Священной Книги, прочла таинственные слова пророка Исаии: *Се Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануил, еже есть сказуемо с нами Бог*.. Задумалась Мария над этими словами. Необъяснимая нежность к этой Деве и Её Сыну переполнили Её сердце. И сказала Она Себе, что была бы счастлива стать служанкой той Девы. И вот в эти минуты и совершилось таинство благовестия.

«Радуйся, Благодатная: Господь с Тобою! Благословенна Ты в женах!..» – Таковы были слова, которые Ангел принёс на землю от Бога Той, Которая стала первым оправданным благодатью Человеком Нового Завета... Пресвятая Дева не была утрачена явлением Ангела: к этим явлениям Она привыкла издавна в храме Иерусалимском. Но самые слова смутили Её, так как доселе ни один человек не был назван благодатным. Она безмолвствовала. И чудно было вокруг.

На безмолвное ожидание Девы Ангел сказал Ей, чтобы Она не боялась, так как обрела благодать у Бога, и что Она зачнёт Сына, Царству Которого не будет конца.

Со смирением чистая Мария приняла весть о чудном Сыне, склонилась перед волею Божией; но, как невольный крик девственного сердца, вырвался вопрос, которым Она как бы обороняла Свою святиню. «Как будет это со Мною, когда Я мужа не знаю?..»

– Дух Святой найдёт на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; поэтому и Рождаемое Святое наречётся Сыном Божиим, – говорил Деве Ангел.

И лучи вышней благодати лились на смиренную Избранницу Неба. Освещённая, осиянная, благодатная Земля, зарождавшая в ту минуту Небесного Сына.

В нашей стране существует благочестивый обычай на Благовещение выпускать на волю птиц, подобно тому, как Господь избавил людей от греховной неволи.

Рассказы о празднике Благовещения в России

Иван Шмелёв

Накануне праздника

А какой-то завтра денёчек будет? Красный денёчек будет – такой и на Пасху будет. Смотрю на небо – ни звёздочки не видно.

Мы идём от всенощной, и Горкин всё напевает любимую молитвочку – «...Благодатная Мария, Господь с Тобо-ю...» Светло у меня на душе, покойно. Завтра праздник такой великий, что никто ничего не должен делать, а только радоваться, потому что если бы не было Благовещения, никаких бы праздников не было Христовых, а как у турок. Завтра и поста нет. Уже был «перелом поста – щука ходит без хвоста». Спрашиваю у Горкина:

– А почему без хвоста?

– А лёд хвостом разбивала и поломала, теперь без хвоста ходит. Воды на Москве-реке на два аршина прибыло, вот-вот ледоход пойдёт. А денёк завтра ясный будет! Это ты не гляди, что замолаживает... это снега дышут-тают, а ветерок-то на ясную погоду.

Горкин всегда узнаёт по дощечке: дощечка плотнику всякую погоду скажет. Постукает горбушкой пальца, звонко если – хорошая погода. Сегодня стучал: поёт дощечка! Благовещение. и каждый должен обрадовать кого-то, а то праздник не в праздник будет.

Утро праздника

Я просыпаюсь рано, а солнце уже гуляет в комнате. Благовещение сегодня! В передней, рядом, гремит ведёрко и слышится плеск воды. «Погоди. держи его так, ещё убьётся.» – слышу я, говорит отец. – «Носик-то ему прижмите, не захлебнулся бы.» – слышится голос Горкина. А, соловьев купают, и я торопливо одеваюсь.

Пришла весна, и соловьев купают, а то и не будут петь. Птицы у нас везде. В передней чижик, в спальне канарейки, в проходной комнате – скворчик, в спальне отца канарейка и чёрный дроздик, в зале два соловья, в кабинете жавороночек, и даже в кухне у Марьюшки живёт на покое, весь лысый, чижик, который пищит – «чулки-чулки-пагоденки», когда застучат посудой. В чуланах у нас множество всяких клеток с костяными шишечками, от прежних птиц. Отец любит возиться с птичками и зажигать лампадки, когда он дома.

Я выхожу в переднюю. Отец ещё не одет, в рубашке, – так он мне ещё больше нравится. Засучив рукава на белых руках с синеватыми жилками, он берёт соловья в ладонь, зажимает соловью носик и окунает три раза в ведро с водой. Потом осторожно встряхивает и ловко пускает в клетку. Соловей очень смешно топорщится, садится на крылышки и смотрит, как огорошенный. Мы смеёмся. Потом отец запускает руку в стеклянную банку от варенья, где шустро бегают чёрные тараканы и со стенок срываются на спинки, вылавливает – не боится, и всовывает в прутья клетки. Соловей будто и не видит, таракан водит усиками и... тюк! – таракана нет...

После церкви

Мы идём от обедни. Горкин идёт важно, осторожно: медаль у него на шее, из Синода! Сегодня пришла с бумагой, и батюшка преподнёс, при всём приходе, – «за доброусердие при ктиторе».

Горкин растрогался, поцеловал обе руки у батюшки, и с отцом крепко расцеловался, и с многими. Стоял за свечным ящиком и тыкал в глаза платочком. Отец смеётся: «И в ошейнике ходит, а не лаёт!» Медаль серебряная, «в три пуда». Третья уже медаль, а две – «за хоругви присланы». Но эта – дороже всех: «за доброусердие ко храму Божию».

Лавочки завидуют, разглядывают медаль. Горкин показывает охотно, осторожно, и всё целует, как показывает. Ему говорят: «Скоро и почётное тебе гражданство выйдет!» А он посмеивается: «Вот почетно-то, оно»...

Птички на воле

А во дворе сидит на крыльчке Солодовкин с вязанкой клеток под чёрным коленкором. Он в отрепанном пальтеце, кажется – очень бедный. Но говорит как важный и здороваётся с отцом за руку.

– Поздравь Горку нашу, – говорит отец, – дали ему медаль в три пуда!

Солодовкин жмёт руку Горкину, смотрит медаль и хвалит.

– Только не возгордился бы, – говорит.

– У моих соловьёв и золотые имеются, а нос задирают только когда поют. Принёс тебе, Сергей Иваныч, теннора-певца Усатова, из Большого театра прямо. Слыхал, ты его у Егорова в Охотном, облюбывал. Сделаем ему лепетицию.

– Идем чай пить с постными пирогами, – говорит отец. – А принёс мелочи... записку тебе писал?

Солодовкин запускает руку под коленкор, там начинается трепыхня, и в руке Солодовкина я вижу птичку.

– Бери в руку. Держи – не мни. – говорит он строго. – Погоди, а знаешь стих: «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда»? Так, молодец. А – «Вчера я растворил темницу воздушной пленницы моей?» Надо обязательно знать, как можно! Теперь сам будешь, на практике. В небо гляди, как она запоёт, улетая. Пускай!..

Я до того рад, что даже не вижу птичку, – серенькое и тёпленькое у меня в руке. Я разжимаю пальцы и слышу – пырхх... – но ничего не вижу. Вторую я уже вижу, на воробья похожа. Я даже её целую и слышу, как пахнет курочкой. И вот она упорхнула вкось, вымахнула к сараю, села. – и нет её. Мне дают и ещё, ещё. Это такая радость! Пускают и отец, и Горкин.

А Солодовкин все ещё достаёт под коленкором. Старый кучер Антип подходит, и ему дают выпустить. В сторонке Денис покуривает трубку и сплёвывает в лужу. Отец зовёт: «Иди, садовая голова!»

Денис подсказывает, берёт птичку, как камушек, и запускает в небо, совсем необыкновенно. Въезжает наша новая пролётка, вылезают наши и тоже выпускают. Проходит Василь Василя, очень парадный, в сияющих сапогах – в калошах, грызёт подсолнушки. Достаёт серебряный гривенник и даёт Солодовкину:

– Ну-ка, продай для воли!

Солодовкин швыряет гривенник, говорит:

– Для общего удовольствия пускай!

Василь Василя по-своему пускает – из пригоршни.

– Всё. Одни теперь тенора остались, – говорит Солодовкин, – пойдём к тебе чай пить с пирогами. Господина Усатого посмотрим...

Чай с пирогами

Пахнет рыбными пирогами с луком. Кулебяка с вязигой – называется «Благовещенская», на четыре угла: с грибами, с сёмгой, с налимьей печёнкой и с судачьей икрой, под рисом, – положена к обеду, а пока – первые пироги. Звонят впереводку канарейки, нащёлкивает скворец, но соловьи что-то не распеваются, – может быть, перекормлены? И «Усатов» не хочет петь: «стыдится, пока не обвисится». Юркий и востроносый Солодовкин, похожий на синичку, – так говорит отец, – пьёт чай вприкуску, с миндальным молоком и пирогами, и всё говорит о соловьях. У него их за сотню, по всем трактирам первой руки, висят «на прослух» гостям и могут на всякое коленце.

– Наезжают из Санкт-Петербурга даже, всякие – и поставленные, и графы, и... Зовут в Санкт-Петербург к министрам, да туда надобно в сюртуке-параде. А, не стоит!..

Отец говорит ему, что жавороночек-то... запел! Солодовкин делает себя, глухо, – ага! – но несколько не удивляется и крепко прикусывает сахар. Отец вынимает за проспор, подви-

гает к Солодовкину беленькую бумажку, но тот, не глядя, отодвигает: «Товар по цене, цена – по слову».

– До Николы бы не запел, деньги назад бы отдал, а жавороночка на волю выпустил, как из училища выгоняют, – только бы и всего.

Потом показывает на дудочках, как поёт самонастоящий жаворонок. И вот мы слышим: звонко журчит из кабинета, будто звенят по стёклышкам. Все сидят очень тихо. Солодовкин слушает на руке, глаза у него закрыты. Канарейки мешают только.

Вечер золотистый, тихий. Небо до того чистое, зеленовато-голубое, – самое Богородичкино небо. Отец с Горкиным и Василь Василичем объезжали Москву-реку: порядок, везде – на месте. Мы только что вернулись из-под Новинского, где большой птичий рынок, купили белочку в колесе и чучелок. Вечернее солнце золотцем заливает залу, и канарейки в столовой льются на все лады. Но соловьи что-то не распелись. Светлое Благовещение отходит.

Рождество Христово

Анна Зонтаг

Праведный Иосиф не знал о бывшем Пресвятой Деве Марии благовествовании, но Бог открыл ему эту тайну. Во сне явился ему Ангел и сказал: «Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою! Родившееся в Ней есть от Духа Святого; Она родит Сына, и ты назовёшь Его Иисусом (это имя значит Спаситель), потому что Он спасёт людей Своих от грехов их».

Проснувшись, Иосиф исполнил повеление Ангела; и жили Дева Мария и Иосиф в Назарете, исполненные благодарности к Богу и ожидая всякий день исполнения того, что было обещано им.

В те дни вышло повеление владевшего Иудеею римского императора Августа произвести перепись всех его подданных. Всякий должен был вписать свое имя в том месте, откуда он происходил. Иосиф и Мария, будучи потомками царя Давида, должны были вписать свои имена в иудейском городе Вифлееме, Отчизне Давидовой, где, по предсказанию пророков, должен был родиться Спаситель. Они отправились туда.

В Вифлееме по случаю переписи собралось множество народа; все дома были наполнены приезжими. Иосиф напрасно искал пристанища для себя и Пресвятой Девы Марии; их никуда не хотели пускать, как потому, что все дома были заняты постояльцами, так и потому, что вся наружность их показывала величайшую бедность. Наступила ночь; они не находили пристанища. В самом конце города была пещера, в которой жили пастухи; они пригоняли туда стада свои. В этом вертепе родился Иисус Христос, Сын Божий. Мария спеленала Его и положила в ясли, потому что не было другого места.

В эту ночь весь Вифлеем был погружен в глубокий сон; не спали только некоторые пастухи, стерегшие в поле стада свои. Они были добрые люди. Души их были кротки и спокойны, как охраняемые ими агнцы; они были просты, как жители сел, невинны и набожны, как юноша Давид, здесь же некогда пасший овец своих.

Ночью пастухи эти увидели пред собою Ангела во всём блеске небесного сияния. Они испугались, но Ангел сказал им:

«Я возвещаю вам великую радость для всего Израиля. Этой ночью в городе Давидовом родился Христос Спаситель. Вы узнаете Его, найдя Младенца, обвитого пеленами и лежащего в яслях».

После этого пастухи увидели с Ангелом-благовестником бесчисленное множество Ангелов, славящих Бога священным пением: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, к человекам благоволение». Ангелы скрылись в небе, и темнота ночная снова водворилась вместе с тишиною.

«Пойдёмте в Вифлеем, – радостно говорили пастухи друг другу. – Пойдём. Увидим сами то, что Господь возвестил нам!»

Они вошли в знакомую им пещеру; там нашли они Иосифа и Марию и при слабом свете светильника увидели Божественного Младенца, лежащего в яслях. Они подошли к Нему и смотрели на Него с тихим, безмолвным благоговением.

Мария и Иосиф, полагавшие, что о рождении Младенца кроме них никому не было известно, удивились, видя, что оно было возвещено вошедшим к ним пастухам. Пастухи рассказали им о бывшем им явлении. Поклонившись Младенцу, пастухи возвратились к своему стаду, славя и хваля Бога за всё то, что слышали и видели. А Мария сохраняла в Своем сердце всё сказанное о Младенце.

Святая ночь

Сельма Лагерлёф

Когда мне было пять лет, меня постигло огромное горе. Пожалуй, это было самое большое горе за всю мою жизнь.

Это было, когда умерла моя бабушка. До того времени она сидела каждый день на угловом диване в своей комнате и рассказывала сказки.

Другого я ничего не помню, помню только, что бабушка сидела и рассказывала – рассказывала с утра до вечера, а мы, дети, сидели возле неё и слушали. То была чудесная жизнь. Никаким другим детям не жилось так, как нам. О самой бабушке я помню немного. Помню, что у неё были красивые, как мел, белые волосы, что она ходила сильно согнувшись и что всегда сидела и вязала чулок.

Потом я помню, что, рассказав какую-нибудь сказку, она обыкновенно клала руку на мою голову и говорила: «И всё это такая же правда, как то, что я вижу тебя, а ты видишь меня».

Ещё я помню, что она умела петь песни, но только пела она редко. В одной из этих песен говорилось о рыцаре и о морском чудовище, и припев у неё был: «Дует, дует холодный ветер на море».

Ещё помню коротенькую молитву, которой она меня научила, и стих из псалма. О сказках же, которые она мне рассказывала, у меня сохранилось лишь слабое и смутное воспоминание. Осталась только одна, которую я помню так хорошо, что могу рассказать её. Это маленький рассказ о рождении Иисуса.

Вот почти и всё, что я помню о бабушке, за исключением того, что помню всего лучше, а именно большого горя, когда её не стало.

Я вспоминаю то утро, когда угловой диван остался пуст, и невозможно было представить себе, как пройдёт этот день. Это я помню. Этого я никогда не забуду.

И я помню, как нас, детей, подвели поцеловать руку покойницы. И мы боялись поцеловать её, но тогда кто-то сказал мне: «Это в последний раз вы можете поблагодарить бабушку за все доставленные ею вам радости».

И я помню, как сказки и песни увезли со двора упакованными в длинный чёрный ящик, и они никогда уже не вернулись.

Я помню, как что-то ушло из жизни. Словно закрыли дверь в целый прекрасный, волшебный мир, куда раньше мы имели свободный вход и выход. И никого уже не было, кто бы сумел открыть нам эту дверь.

И помню, как мы, дети, мало-помалу научились играть в куклы и игрушки и жить подобно другим детям, и тогда могло казаться, что мы уже не ощущаем отсутствия бабушки и не вспоминаем о ней.

Но и сегодня, через сорок лет, когда я сижу и собираю легенды о Христе, которые слышала далеко на Востоке, в памяти моей возникает маленькое сказание о рождении Иисуса, которое любила рассказывать бабушка. И мне хочется рассказать его ещё раз и поместить его в мой сборник.

Был сочельник, и все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Кажется, мы были одни в целом доме. Нас не взяли потому, что одна была слишком мала, а другая – слишком стара. И нам обоим было досадно, что мы не могли поехать ко всенощной и посмотреть, как будут зажигать рождественские свечи.

Мы сидели в одиночестве, и бабушка начала рассказывать.

– Был однажды человек, – сказала она, – который пошёл тёмной ночью попросить огня. Он переходил от дома к дому и стучался.

«Добрые люди, помогите мне! – говорил он. – Жена моя только что родила, и я должен развести огонь, чтобы согреть её и младенца».

Но была глубокая ночь, и все спали. Никто не отвечал ему.

Человек всё шёл и шёл. Наконец он увидел, что где-то вдали тлеет огонёк. Он пошёл в этом направлении и увидел, что огонь горит в поле. Белые овцы лежали и спали вокруг огня, а старый пастух сидел и караулил стадо.

Когда человек, которому нужно было огня, подошёл к овцам, он увидел, что три большие собаки спали у ног пастуха. Они проснулись все три, когда он подошёл, и открыли свои широкие пасти, как будто хотели залаять, но не слышно было ни звука. Человек видел, что шерсть встала дыбом на их спинах, видел, как их острые белые зубы ослепительно сверкают при свете огня и что они бросаются на него. Он чувствовал, что одна вцепилась ему в ногу, другая – в руку, а третья повисла на его горле. Но челюсти и зубы, которыми они хотели его грызть, не повиновались им, и человек нимало не пострадал.

Тогда человек решил идти дальше, чтобы получить то, что ему было нужно. Но овцы лежали так тесно друг возле друга, спина к спине, что он не мог пробраться между ними. Тогда человек влез на спины животных и по ним дошёл до огня. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась.

До сих пор бабушка рассказывала, не останавливаясь, но тут я не могла удержаться, чтобы не перебить её.

– Почему же они не просыпались, бабушка? – спросила я.

– Это ты со временем узнаешь, – сказала бабушка и продолжила свой рассказ.

– Когда человек подошёл довольно близко к огню, пастух поднял голову. Это был старый сердитый человек, грубый и жестокий ко всем людям. И, видя, что идёт чужой, он схватил длинный острый костыль, который держал обыкновенно в руках, когда гонял своё стадо, и бросил им в пришедшего. И костыль, свистя, полетел прямо в человека, но, не долетев, повернул в сторону, пролетел мимо и упал далеко в поле.

Когда бабушка рассказала до этого места, я снова прервала её.

– Бабушка, почему палка не захотела ударить человека?

Но бабушка не стала отвечать мне, а продолжила свой рассказ:

– И вот человек подошёл к пастуху и сказал ему: «Друг, помоги мне и позволь взять немного огня! Жена моя только что родила ребёнка, и я должен развести огонь, чтобы согреть её и младенца».

Пастух хотел было отказать ему, но, подумав, что собаки почему-то не смогли повредить этому человеку, что овцы не побежали от него и что его палка не захотела ударить его, немного испугался и не посмел отказать ему в том, чего он просил. «Возьми сколько

тебе нужно!» – сказал он человеку. Но огонь почти весь догорел. Не было уже ни поленьев, ни сучьев, а оставалась только большая раскалённая головёшка, а у незнакомца не было ни лопатки, ни совка, на которых он мог бы донести горячие угли.

Увидя это, пастух снова сказал: «Возьми сколько тебе нужно!» – и радовался тому, что человек не сможет унести с собой огня.

Но человек нагнулся, вынул головёшку голыми руками из золы и положил её в свой плащ. И угли не обожгли его рук, когда он прикоснулся к ним, не прожгли его плаща, и человек понёс их, как будто это были орехи или яблоки.

Но тут я перебила рассказчицу в третий раз:

– Бабушка, почему же угли не обжигали человека?

– Это ты сейчас услышишь, – сказала бабушка и стала рассказывать дальше.

– Когда этот пастух, который был такой гадкий и злой человек, увидел всё это, то начал дивиться про себя: «Что же это за ночь, когда собаки не кусаются, овцы не пугаются, костыль не убивает и огонь не жжёт?» Он кликнул назад пришельца и сказал ему: «Что это за ночь? Почему это все существа и вещи оказывают тебе милосердие?»

Тогда человек ответил: «Я не могу сказать тебе этого, если ты сам не видишь!» И он хотел пойти своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и согреть свою жену и ребёнка.

Тогда пастух захотел непременно разузнать, что всё это могло значить. Он поднялся и пошёл за ним, пока не дошёл до места, где тот жил.

Тут пастух увидел, что у человека не было даже дома для жилья, а жена его и ребёнок лежали в пещере, где не было ничего, одни голые каменные стены.

И пастух подумал, что бедное невинное дитя, наверно, замёрзнет в этой пещере, и, хотя он был жестокий человек, растрогался и захотел помочь ребёнку. И он снял мешок с плеча, развязал его, достал из него мягкую, белую овечью шкуру, дал её незнакомому человеку и сказал, чтобы он уложил в неё ребёнка.

Но как только он показал, что и он тоже может быть сострадательным, его глаза раскрылись, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что вокруг него сплошным кольцом стоят Ангелочки с серебряными крыльями.

И каждый из них держал арфу в руке, и все пели громкими голосами, что этой ночью родился Спаситель, Который спасёт мир от его грехов.

Тут он понял, чему все твари так радовались в эту ночь, что не хотели делать ничего дурного.

И Ангелы были не только возле пастуха, он видел их повсюду. Они сидели в пещере и снаружи, на горе, и летали по небу. Они шли большими толпами по дороге и, проходя, останавливались и бросали взгляд на ребёнка.

И было великое ликование, и великая радость, и великое пение, и музыка; и всё это увидел он в тёмную ночь, в которой раньше не мог ничего заметить. Он так радовался тому, что глаза его раскрылись, что упал на колени и стал благодарить Бога.

Дойдя до этого места, бабушка вздохнула и сказала:

– Помни это, потому что это такая же правда, как то, что я вижу тебя, а ты видишь меня. Дело не в свечах и не в лампах, и не важно, светит ли солнце или луна, а нужно, чтобы у нас были такие глаза, которые могли бы видеть величие Божие.

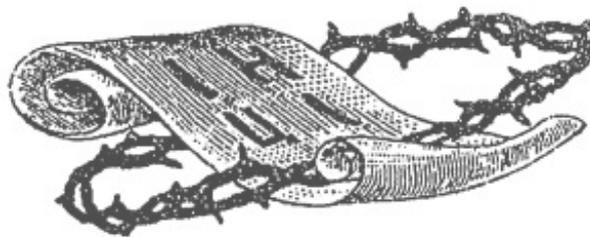

Рождественское

Саша Чёрный

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лён Его волос...
Бык дохнул в лицо Младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся чуть дыша,
Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.
Пёс, прокравшись к тёплой ножке,
Полизал её тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть Дитя бочком...
Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал:
«Посмотреть бы на ребёнка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...
А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!..»

Видение императора

Предание

Это было в то время, когда Август был римским императором, а Ирод царствовал в Иерусалиме. Тогда случилось однажды, что необычайно великая и святая ночь спустилась на землю. То была самая тёмная ночь, какую кому-либо доводилось видеть, и можно было подумать, что весь земной шар провалился в какой-то огромный подвал. Невозможно было отличить воду от земли, и немисливо найти даже самую знакомую дорогу. Да иначе и не могло быть, потому что с неба не доходило ни единого луча света. Все звёзды остались по своим домам, а ласковая луна отвратила своё лицо от земли.

И также глубоки, как мрак, были тишина и молчание. Реки остановились в своём течении, ветер не шевелился, и даже осиновые листья перестали дрожать. Если бы подойти к морю, то оказалось бы, что волны не ударяются о берег, а если бы пойти в пустыню, то песок не закрипел бы под ногами. Всё окаменело и стало неподвижным, чтобы не нарушать святости ночи. Трава не смела расти, роса не падала, и цветы не решались выдыхать аромат.

В эту ночь дикие звери не охотились, змеи не жалили, собаки не лаяли. И что ещё чудеснее, ни один неодушевлённый предмет не пожелал бы нарушить святость ночи содействием злему делу. Ни одна отмычка не отперла бы замка, и ни один нож не был бы в состоянии пролить кровь.

Как раз в эту ночь шла в Риме небольшая толпа людей от дворца императора по Паладинскому холму, направляясь через Форум к Капитолию. В только что закончившемся заседании сенаторы спросили императора, имеет ли он что-нибудь против того, чтобы они воздвигли ему храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал своё согласие. Он не знал, будет ли приятно богам, что он будет иметь храм рядом с ними, и ответил, что хочет сначала принести ночную жертву своему гению², чтобы узнать их волю относительно этого предмета. И теперь в сопровождении нескольких доверенных лиц он шёл совершать это жертвоприношение.

Августа несли на носилках, потому что он был стар и длинные лестницы Капитолия утомляли его. Он сам держал клетку с голубями, которых должен был принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни воинов, ни сенаторов, а только одни ближайшие друзья. Факельщики шли впереди, чтобы прокладывать дорогу сквозь ночной мрак, а за ними следовали рабы, несшие треногий жертвенник, угли, ножи, священный огонь и всё необходимое для жертвоприношения.

По дороге император весело разговаривал со своими приближёнными, и потому ни один из них не заметил бесконечной тишины и молчания ночи. Только очутившись на верх-

ней части Капитолия и дойдя до пустого пространства, предназначенного для нового храма, им стало ясно, что происходит что-то необычайное.

Нет, это не была ночь, подобная другим ночам, ибо наверху, на краю скалы, они увидели диковиннейшее существо. Сначала они подумали, что это старый, скрюченный оливковый ствол, потом решили, что древнее каменное изображение из храма Юпитера вышло на скалу. Наконец, они решили, что это может быть только старая сивилла.

Никогда не видали они такого старого, точно изъеденного временем и непогодами, исполинского существа. Старуха положительно нагоняла ужас. Если бы не император, они все разбежались бы по своим постелям.

«Это она, – шептали они друг другу. – Ей столько лет, сколько песчинок на её родном берегу. Почему она выползла из своей пещеры именно в эту ночь? Что она предвещает императору и государству – она, пишущая пророчества на древесных листьях и знающая, что ветер отнесёт вещее слово тому, для кого оно предназначается?»

Они были так напуганы, что все бросились бы на колени и прижались головой к земле, если бы сивилла сделала хоть одно движение. Но она сидела так неподвижно, как будто была мёртвой. Она сидела, скрючившись, на самом краю скалы и, заслонив глаза рукой, вглядывалась в ночной мрак. Она как будто взобралась на гору для того, чтобы лучше видеть что-то, совершавшееся далеко отсюда. Значит, она могла видеть, могла – в такую ночь!

В ту же минуту император и все в свите заметили, как глубок был мрак. Ни один из них не мог видеть на расстоянии двух шагов от себя. А какая тишина, какое безмолвие! Не слышно было даже глухого журчания Тибра. Но воздух точно давил их, холодный пот выступал на лбу, а руки окаменели и стали бессильны. Они думали, что должно случиться нечто ужасное.

Но никто не хотел обнаружить своего страха, и все сказали императору, что это счастливое предзнаменование: вся природа затаила дух, чтобы приветствовать нового бога.

Они предлагали Августу поторопиться с жертвоприношением, говоря, что старая сивилла, наверно, вылезла из своей пещеры, чтобы приветствовать его гения. На самом же деле старая сивилла была так занята одним видением, что даже не знала, что Август пришёл на Капитолий. Она унеслась душой в далёкую страну, и ей казалось, что она идёт там по большой равнине. В темноте она беспрестанно натыкалась ногой на что-то, что принимала за кочки. Она нагнулась и пощупала рукой. Нет, то были не кочки, а овцы. Она шла среди больших стад спящих овец.

Вот она заметила огонь у пастухов. Он горел посреди поля, и она стала пробираться к нему. Пастухи лежали и спали возле огня, рядом с собой положили длинные острые палки, которыми они защищали стада от диких зверей. А маленькие звери с горящими глазами и пушистыми хвостами, прокрадывавшиеся к огню, разве это не шакалы? А между тем пастухи не бросали в них палками, собаки продолжали спать, овцы не бежали, и дикие звери улеглись рядом с людьми.

Вот что видела сивилла, но она не знала ничего о том, что совершалось позади неё на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, зажгли уголь, рассыпали курения, что император вынул из клетки одного голубя, чтобы принести его в жертву. Но его руки так онемели, что он не мог удержать птицу. Одним взмахом крыльев голубь освободился и исчез в ночной мгле.

Когда это случилось, придворные подозрительно посмотрели на старую сивиллу. Они думали, что это она накликала несчастье.

Могли ли они знать, что сивилла по-прежнему думала, что находится у костра пастухов, что теперь она прислушивалась к слабому звону, который, дрожа, доносился сквозь мёртвое безмолвие ночи. Она слушала его долго, пока не заметила, что он идёт не с земли, а из облаков. Наконец, она подняла голову и увидела светлые, сверкающие фигуры, сколь-

зьящие во мраке. То были маленькие группы Ангелов; они со сладким пением и словно ища чего-то, летали взад и вперёд над широкой равниной.

Как раз в то время, как сивилла слушала ангельское пение, император готовился к новой жертве. Он вымыл руки, очистил жертвенник и велел дать ему другого голубя. Но как он ни старался, как ни силился удержать его, скользкое тело голубя вырвалось из его рук, и птица взвилась в непроглядную ночь.

Император ужаснулся. Он пал на колени перед пустым жертвенником и стал молиться своему гению-покровителю. Он взывал к нему, прося силы отвратить те несчастья, которые, по-видимому, предвещала эта ночь.

И ничего этого тоже не слышала сивилла. Она всей душой вслушивалась в пение Ангелов, становившееся всё громче. Под конец оно стало так громко, что разбудило пастухов. Они поднялись на локтях и увидели сверкающие толпы серебристо-белых Ангелов, движущихся во тьме длинными, развевающимися вереницами, подобно перелётным птицам. У одних были лютни и скрипки в руках, у других цитры и арфы, и пение их звучало так радостно, словно детский смех, и так беззаботно, как щебетанье жаворонка. Услышав это, пастухи встали, чтобы пойти в горный городок, где жили, и рассказать об этом чуде.

Они пробирались по узкой, извилистой тропинке, и старая сивилла мысленно шла за ними. Вдруг на вершине горы сразу посветлело. Большая ясная звезда зажглась как раз над нею, и город на её вершине сверкал, как серебро, при свете этой звезды. Все носившиеся в воздухе толпы Ангелов поспешили туда с радостными криками, и пастухи ускорили свои шаги, так что почти бежали. Подойдя к городу, они увидели, что все Ангелы собрались над низким хлевом недалеко от городских ворот. То было жалкое строение с соломенной крышей, прислонившееся к голой скале. Над ним остановилась звезда, и здесь собиралось всё больше и больше Ангелов. Некоторые садились на соломенную крышу или опускались на отвесную скалу позади дома, другие, раскинув крылья, парили над нею. Всё небо посветлело от этих сверкающих крыльев.

В ту минуту, как над горным городком зажглась звезда, проснулась вся природа, и люди, стоявшие на вершине Капитолия, не могли не заметить этого. Они почувствовали, как свежий, но ласковый ветерок пронёсся по пространству, вокруг них заструились сладкие ароматы, деревья зашумели, Тибр начал журчать, и звёзды засияли, и луна вдруг поднялась на середину неба и осветила мир. А из облаков спустились оба голубя и сели на плечи императора.

Когда совершилось это чудо, Август поднялся в гордой радости, друзья же его и рабы бросились на колени.

– Авэ, Цезарь! – восклицали они. – Твой гений ответил тебе. Ты тот бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия.

И восторженные крики, которыми поражённые люди приветствовали императора, были так громогласны, что старая сивилла услышала их. Они пробудили её от видений. Она встала со своего места на краю скалы и подошла к людям. Словно тёмное облако поднялось из пропасти и обрушилось на вершину горы. Она была ужасна в своей старости. Прямые волосы висели редкими космами вокруг её головы, суставы выдавались, как огромные узлы, потемневшая кожа, жёсткая, как древесная кора, покрывала тело сетью морщин. Но твёрдо и величаво подошла она к императору. Одной рукой она схватила его за плечо, а другой указала ему на далёкий восток.

– Смотри! – приказала она ему, и император поднял глаза и стал смотреть.

Пространство открылось перед его взором, и он проник на далёкий восток. И он увидел убогий хлев под отвесной скалой и в открытую дверь его несколько коленапреклонённых пастухов. Внутри хлева он увидел молодую Мать на коленях перед маленьким Ребёнком, лежащим на соломенной подстилке на полу.

И большие костлявые пальцы сивиллы указывали туда, на бедного Ребёнка.
– Авэ, Цезарь! – сказала сивилла с насмешливым хохотом. – Вот тот Бог, Которому будут поклоняться на вершине Капитолия!

Тогда Август отступил от неё, как от безумной. Но на сивиллу сошёл могучий дух предвидения. Её тусклые глаза загорелись, руки протянулись к небу, голос изменился, так что казался чужим, и приобрел такую звучность и силу, что можно было слышать на весь мир. И она произнесла слова, которые, казалось, прочитала в звёздах:

– На вершине Капитолия будут поклоняться обновителю мира – Христу... или антихристу, но не бранным людям.

Сказав это, она прошла между поражёнными страхом людьми, медленно спустилась с горы и исчезла.

Август же на следующий день велел строжайше запретить народу воздвигать ему храм на Капитолии.

Вместо того он построил там храм во имя новорождённого Божественного Младенца и назвал его Алтарём неба.

В день Рождества

Сергей Копыткин

Если в этот день на время
Вспомнит кто-нибудь из вас
Про Младенца в Вифлееме
Чудно-радостный рассказ;
Если сердце в нём забьётся,
Точно птица за окном,
Будто струн его коснётся
Ангел ласковым крылом;
Если вдруг, как запах сада,
Как дыханье ветерка,
К сердцу кроткая отрада
Долетит издалека,
И в душе светло и жутко,
Словно кто-то ходит там —
Это Сам Христос Малютка
Постучался в сердце к вам.

Предание о первой рождественской ёлке

Елена Ивановская

Когда родился маленький Христос и Дева Мария, спеленавши, положила Его в простые ясли на сено, слетели с неба Ангелы, чтобы посмотреть на Него. Увидевши, как проста и убога пещера и ясли, они тихонько шептали друг другу:

– Он спит в пещере в простых яслях? Нет, так нельзя! Нужно украсить пещеру: пусть она будет как можно красивее и наряднее – ведь в ней спит Сам Христос!

И вот один Ангел полетел искать, чем бы украсить пещеру, на юг. На юге всегда тепло и всегда цветут цветы. И вот Ангел набрал много алых, как кровь, роз, лилий, белых, как снег, весёлых гиацинтов, азалий; набрал нежных мимоз, магнолий, камелий; сорвал и несколько крупных жёлтых лотосов... И все эти цветы принёс в пещеру.

Другой Ангел полетел на север. Но там как раз в это время была зима. Поля и леса были устланы тяжёлым покровом снега. И Ангел, не найдя никаких цветов, хотел лететь назад. Вдруг он увидел печально зеленевшую среди снега ёлку, задумался и прошептал:

– Пожалуй, ничего, что это деревцо такое простенькое. Пусть и оно, единственное из всех растений севера, посмотрит на маленького Христа.

И он унёс с собой скромную северную ёлочку. Как красиво и нарядно стало в пещере, когда стены, пол и ясли украсились цветами! Цветы с любопытством заглядывали в ясли, где спал Христос, и шептали друг другу:

– Тс!.. Тише! Он заснул!

Маленькая ёлочка увидела такие прекрасные цветы в первый раз и опечалилась.

– О, – сказала она грустно, – зачем я такая некрасивая и простенькая. Как счастливы должны быть все эти чудные цветы! А мне нечем и самой обрядиться в такой праздник, нечем и пещеру украсить. – И она горько заплакала.

Когда Дева Мария увидела это, Ей сделалось жаль ёлку. И Она подумала: «Надо, чтобы все радовались в этот день, не надо, чтобы была грустна эта ёлочка».

И Она улыбнулась и сделала знак рукой. И тогда произошло чудо: тихо с неба спустилась яркая звёздочка и украсила собой вершину ёлки. А за нею сошли и другие и разукрасили остальные ветки. Как вдруг светло и весело стало в пещере! Проснулся от яркого света маленький Христос, спавший в яслях, и, улыбаясь, потянулся к сверкающей огоньками ёлке.

А цветы с удивлением смотрели на неё и перешептывались друг с другом:

– Ах, какая же она стала хорошенькая! Не правда ли, она красивее нас всех?

И ёлочка чувствовала себя вполне счастливою. С тех пор люди украшают каждый год на Рождество ёлки для маленьких детей в *память первой ёлки* – той, которая была украшена настоящими звёздами с неба.

Божий дар

Фёдор Достоевский

Крошку-Ангела в сочельник
Бог на землю посылал:
«Как пойдёшь ты через ельник, —
Он с улыбкою сказал, —
Ёлку срубишь, и малютке
Самой доброй на земле,
Самой ласковой и чуткой
Дай, как память обо Мне».
И смутился Ангел-крошка:
«Но кому же мне отдать?
Как узнать, на ком из деток
Будет Божья благодать?»
«Сам увидишь», – Бог ответил.
И небесный гость пошёл.
Месяц встал уж, путь был светел
И в огромный город вёл.
Всюду праздничные речи,
Всюду счастье деток ждёт...
Вскинув ёлочку на плечи,
Ангел с радостью идёт...
Загляните в окна сами, —
Там большое торжество!
Ёлки светятся огнями,
Как бывает в Рождество.
И из дома в дом поспешно
Ангел стал переходить,
Чтоб узнать, кому он должен
Ёлку Божью подарить.
И прекрасных и послушных
Много видел он детей. —
Все при виде Божьей ёлки,
Всё забыв, тянулись к ней.

Кто кричит: «Я ёлки стою!»
Кто корит за то его:
«Не сравнишься ты со мною,
Я добрее твоего!»
«Нет, я ёлочки достойна,
И достойнее других!»
Ангел слушает спокойно,
Озирая с грустью их.
Все кичатся друг пред другом,
Каждый хвалит сам себя,
На соперника с испугом
Или с завистью глядя.
И на улицу, понурясь,
Ангел вышел... «Боже мой!
Научи, кому бы мог я
Дар отдать бесценный Твой!»
И на улице встречает
Ангел крошку, – он стоит,
Ёлку Божью озирает, —
И восторгом взор горит.
«Ёлка! Ёлочка! – захлопал
Он в ладоши. – Жаль, что я
Этой ёлки не достоин
И она не для меня...
Но снеси её сестрёнке,
Что лежит у нас больна.
Сделай ей такую радость, —
Стоит ёлочки она!
Пусть не плачется напрасно!»
Мальчик Ангелу шепнул.
И с улыбкой Ангел ясный
Ёлку крошке протянул.
И тогда каким-то чудом
С неба звёзды сорвались
И, сверкая изумрудом,
В ветки ёлочки впились.
Ёлка искрится и блещет, —
Ей небесный символ дан;
И восторженно трепещет
Изумлённый мальчуган...
И, любовь узнав такую,
Ангел, тронутый до слёз,
Богу весточку благую,
Как бесценный дар, принёс.

Невидимый гость

Рождественский рассказ

Дом, в котором жил маленький Эрих, был очень мрачен, а улица, на которой стоял этот дом, узка и грязна. В комнату Эриха никогда не заглядывало солнце, даже летом, когда его лучи яркой полосой врывались в переулочек, где жил Эрих.

Это был необыкновенно тихий и кроткий мальчик; он никогда не играл с другими детьми и целыми днями просиживал с отцом. Матери он совсем не помнил. Она умерла, когда мальчику был всего год. Но они были большие друзья с отцом, и им очень хорошо жилось вдвоём. Больше всего на свете любил Эрих сидеть около отца и слушать рассказы об удивительных вещах и событиях, совершающихся на белом свете, или о том, что было в далёкие-далёкие времена. Особенно любил он рассказы о жизни Иисуса Христа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.